

В. М. Гессен

**Автономия, федерация и
национальный вопрос**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
В11

В11 **В. М. Гессен**
Автономия, федерация и национальный вопрос / В. М. Гессен – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 50 с.

ISBN 978-5-458-54066-7

ISBN 978-5-458-54066-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вится слишкомъ рѣзко; очень трудно бываетъ рѣшить, что въ этихъ требованіяхъ вызывается дѣйствительными потребностями жизни и что внушается чувствомъ враждебности, воспитаннымъ долгими угнетеніями. Только тогда, когда успокоится и войдетъ въ свои берега взбаламученное море общественной жизни, вопросъ этотъ можетъ получить правильное разрѣшеніе. Самое гуманное, самое цѣнное благо, которое влечетъ за собой установленіе конституціоннаго режима—это *равноправіе всѣхъ, безъ исключенія, гражданъ передъ закономъ*. Поставивъ это требованіе во главѣ своей «декларации правъ человека и гражданина», національное собраніе однимъ почеркомъ пера превратило старую сословную Францію, Францію Людовика XIV и Ришелье, въ первую свободную страну цивилизованнаго міра. Съ установленіемъ равноправности всѣхъ гражданъ передъ закономъ должны неминуемо отпасть всѣ сословныя, религіозныя и *національныя* правоогрaнеченія, на какія въѣсковые предразсудки они бы ни опирались, какими политическими и экономическими соображеніями они бы ни маскировались. Какъ передъ лицомъ Бога нѣтъ ни эллина, ни іудея, такъ и передъ закономъ существуетъ только одна категорія людей — свободные граждане. Стѣсненія въ правѣ передвиженія, въ свободномъ выборѣ занятій и образованія, — вся тяжелая историческая ноша, которую приходится тащить угнетаемымъ, должна быть снята съ нихъ и сдана въ архивъ. Это *conditio sine qua non* правового государства. Но, не надо скрывать отъ себя, что тотъ или другой національный предразсудокъ можетъ такъ глубоко укорениться въ народномъ сознаніи, такъ прочно войти въ общественный бытъ, что, подъ его вліяніемъ, установленное закономъ равноправіе обращается въ фактическое неравенство. Иллюстрація этому—положеніе негровъ въ С.-А. С. Штатахъ. Высшія событія здѣсь опредѣлили эволюцію народнои психологіи; американскій плантаторъ не могъ сразу пріучиться смотрѣть на человека,

бывшаго до того времени въ его безконтрольномъ распоряженіи, какъ на равнаго себѣ гражданина. Переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ! Слѣды этого до сихъ поръ замѣтны въ американской общественной жизни, въ видѣ пренебрежительнаго отношенія, устраненія отъ общественныхъ должностей, отдѣльныхъ вагоновъ для цвѣтныхъ и прочихъ стѣсненій, которымъ подвергаются негры. Но, конечно, все дѣло здѣсь въ принципѣ. Именно потому, что законъ предоставляетъ неграмъ всѣ политическія и гражданскія права, является возможность бороться съ укоренившимся общественнымъ предразсудкомъ и несомнѣнно, что общественное воспитаніе въ недалекомъ будущемъ окончательно уничтожитъ эту историческую несправедливость.

Но равенства передъ закономъ недостаточно; это только узда, налагаемая въ интересахъ народовъ на произволъ господствующей націи. Недостаточно развязать руки, — надо дать возможность дѣйствовать ими. Каждой національности должна быть отмежевана сфера свободнаго проявленія своей индивидуальности, съ цѣлью всесторонняго раскрытія ея національнаго я. Это должно выразиться въ предоставленіи каждой національности *права на самоопредѣленіе въ вопросахъ культуры*. Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ какихъ формахъ будетъ осуществляться это право, постараемся нѣсколько уяснить себѣ расплывчатое понятіе націи. Какого взгляда не держаться на происхожденіе націи — считать ли ее племеннымъ сообществомъ или продуктомъ историческихъ условій, одинъ существенный моментъ можно уловить у всѣхъ образованій подобнаго рода — это общность извѣстныхъ культурныхъ формъ. Опредѣленная группа людей, приноровляясь къ различнымъ естественнымъ и историческимъ условіямъ, вырабатываетъ особыя формы быта, вся сумма духовнаго и матеріальнаго творчества націи составляетъ то, что мы называемъ національной культурой и, переходя преемственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, создаетъ извѣстное

сознаніе общности—національное самосознаніе. Содержаніе этой культуры можетъ быть самое разнообразное и обыкновенно различно у каждой національности. У нѣкоторыхъ народностей творчество выразилось, главнымъ образомъ, въ области религіозной — въ созданіи особой національной церкви. Эта общность религіознаго убѣжденія и церковной организаціи, при обстоятельствахъ, способно сплотить такую общественную группу въ крѣпкую однородную массу.

Армянскій народъ, этотъ небольшой христіанскій островъ въ морѣ ислама, сквозь тысячелѣтнія гоненія, сумѣлъ пронести невредимой свою культуру и сохранилъ особность только благодаря своей церкви, которая, въ эти трудныя эпохи, являлась неизсякаемымъ родникомъ національнаго самосознанія. Но, національная церковь, случай—сравнительно рѣдкій; чаще, въ качествѣ связующаго общественнаго элемента выступаетъ языкъ. Съ небольшими исключеніями (ирландцы, говорящіе по англійски, жители Ю. Америки по испански) можно принять какъ общее правило, что *все члены одной національности говорятъ на одномъ и томъ же, отличномъ отъ другихъ, языкѣ.* Особый способъ выраженія мысли создаетъ особую науку и литературу,—духовно сближаетъ всѣхъ говорящихъ на одномъ языкѣ. При отсутствіи этой мощной связи, на ея мѣсто становится общая историческая традиція или другія формы національной самобытности, но индивидуальность такого цѣлаго никогда не бываетъ особенно яркой. Такимъ обособленнымъ общественнымъ группамъ часто выпадаетъ печальный жребій подпасть подъ владычество чужеземцевъ и этотъ крестъ бываетъ тѣмъ тяжелѣй, чѣмъ невѣжественнѣй, чѣмъ некультурнѣй завоеватели. Намъ, русскимъ, болѣе, чѣмъ какойнибудь другой національности, пришлось испытать на себѣ всѣ невыгоды подобнаго историческаго положенія; то, что руками Батыя было посягнуто въ 13 столѣтіи, дало обильные плоды въ видѣ того низко-

поклонничества, казнокрадства и раболовства, слѣды котораго мы до сихъ поръ наблюдаемъ на Руси. Татарское нашествіе китайской стѣной окружило насъ отъ всего остального цивилизованнаго міра: по одну сторону этой стѣны была Европа, крестовые походы—кипучая, красивая жизнь мысли и вѣры, по другую—пустынная азіатская степь, непроглядная тьма невѣжества и безраздѣльное господство татарскаго кнута. Проснувшейся отъ вѣкового сна Россіи приходится съ болью освобождать силы, таящіяся въ глубинѣ ея народнаго духа, отъ уродливаго нароста рабства, плода долготѣней неволи. У національности, достигшей значительнаго культурнаго уровня, никакія гоненія не способны уничтожить чувство самосознанія и заставить перенять языкъ и нравы чужеземцевъ.

Исторія національных гоненій въ Россіи совершенно ясно показала всю безнадежность руссификаторской политики нашего правительства; несмотря на то, что эти стремленія доводились порой до совершенно абсурдныхъ крайностей, мудрыя мѣры, вродѣ повсемѣстнаго закрытія армянскихъ школъ и благотворительныхъ обществъ, совершенно не достигая намѣченной цѣли, вызывали только искусственное пониженіе интеллектуальнаго уровня и экономическаго благосостоянія народныхъ массъ. Для правильнаго урегулированія національныхъ отношеній необходимо поэтому, обезпечить неприкосновенность національной культуры. Первымъ дѣломъ должна быть установлена полная свобода національнаго культа, понимаемая не только какъ свобода религіознаго убѣжденія, но въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ включеніемъ автономности внутренней церковной организаціи, въ сущности мыслимая только при полномъ равноправіи церквей. Съ установленіемъ этой свободы, сдѣлаются невозможными такіе печальные факты, какъ конфискація церковныхъ имуществъ или закрытіе школъ. Самоопредѣленіе національностей должно также выразиться въ правѣ безпрепятственнаго употребленія роднаго языка

въ общественной жизни, публичныхъ собраніяхъ, въ печати, въ содержимыхъ на частныя средства школахъ и пр. Наши инородцы до послѣдняго времени не пользовались этими необходимыми, естественными правами человѣка; въ Польшѣ напр. употребленіе польскаго языка на улицѣ и въ общественныхъ учрежденіяхъ считалось признакомъ неблагонадежности, совершенно запрещалось печатать книги на литовскомъ и малорусскомъ языкахъ, подвергались гоненію даже такія мелочи, какъ національный костюмъ. Всѣмъ инородцамъ должна быть предоставлена возможность свободнаго основанія обществъ, преслѣдующихъ просвѣтителныя цѣли, учебныхъ заведеній, устройства собраній, вообще всякаго рода учрежденій, имѣющихъ цѣлью развитіе и поддержаніе національной культуры. Все это резюмируется въ требованіи *права культурнаго самоопредѣленія* для каждой національности. Ненарушимость этого права должна быть гарантирована включеніемъ его въ основн. законъ (напр. ст. 19 австр. конст.), и можно съ достовѣрностью предположить, что немногочисленная и живущая разбросанно національность вполне удовлетворится такой мѣрой самостоятельности. Гораздо болѣе трудное и сложное дѣло это *разграниченіе употребленія государственныхъ и мѣстныхъ языковъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ и содержимыхъ на казенный счетъ учебныхъ заведеній*, но зато можно, съ увѣренностью, сказать, что правильное его разрѣшеніе влечетъ за собой почти полную ликвидацію національной розни. Врядъ ли кто нибудь, наблюдавшій мирное сожителство французовъ и англичанъ въ Канадѣ, могъ бы подумать, что еще не такъ давно на улицахъ Монреаля происходили кровавыя схватки между этими двумя народностями.

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, этотъ вопросъ очень усложняется, когда въ государствѣ отсутствуетъ сплоченная національная группа, по своей численности настолько превосходящая всѣ остальные, что ея языкъ мо-

жеть быть сдѣланъ господствующимъ. Въ противномъ случаѣ, постоянные споры и борьба неминуемы. Въ Австріи, гдѣ нѣмецкая нація составляетъ ничтожное относительное большинство, господство нѣмецкаго языка вызываетъ постоянныя возраженія и противодѣйствія, а въ настоящее время вопросъ о командномъ языкѣ является центромъ тяжести конфликта между венгерскою коалиціей и короной. Какія бы неблагоприятныя обстоятельства ни встрѣтились на пути разрѣшенія этого вопроса, одно представляется несомнѣннымъ: необходимость единства языка центральныхъ правительственныхъ учреждений и военной организаціи логически вытекаетъ изъ требованія единства и нераздѣльности государства. Конституція нѣкоторыхъ государствъ устанавливаетъ равноправіе языковъ въ *общегосударственномъ парламентѣ*, такъ напр. основной законъ Канады устанавливаетъ равноправіе французскаго и англійскаго языковъ во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ палаты; это касается не только преній, но и архивовъ, протоколовъ и всѣхъ парламентскихъ актовъ Канады и Квебека, которые должны быть редактированы на обоихъ нарѣчіяхъ. Конечно, такое рѣшеніе вопроса возможно только въ исключительныхъ случаяхъ; при большомъ разнообразіи языковъ или значительномъ преобладаніи депутатовъ одной національности, подобное постановленіе неминуемо обратилось бы въ мертвую букву, такъ какъ обсуждать законопроекты было бы невозможно за взаимнымъ непониманіемъ участниковъ. За немногими исключеніями во всѣхъ государствахъ съ пестрымъ національнымъ составомъ въ центральныхъ учрежденіяхъ установлено употребленіе одного господствующаго языка. Совершенно иное дѣло мѣстныхъ учрежденій. Создававшаяся исторически замкнутость и отчужденность отъ народа всякой бюрократіи еще усиливается, если она говоритъ на чуждомъ ему языкѣ. Ради эфемернаго торжества идей государственнаго единства, въ подобномъ случаѣ, жертвуется самыми прямыми, самыми безспорными

интересами мѣстности. Знакомые съ нуждами края дѣятели, по необходимости, должны уступать свои мѣста прїѣхавшимъ издалека наемникамъ, которые пользуются своей служебной властью, какъ орудіемъ для достиженія національных цѣлей, и часто явно враждебно относятся ко всему инородческому. У насъ въ Россіи мы имѣемъ возможность наблюдать результаты подобной административной системы. Нигдѣ во всемъ свѣтѣ бюрократія не пользуется такой глубокой и заслуженной ненавистью, какъ русское чиновничество въ Польшѣ и Финляндіи. Особенно пагубно, отражается на народномъ благѣ введеніе государственнаго языка въ дѣлопроизводство низшихъ административныхъ органовъ, (напр. гминныхъ управленій въ Ц. П.) непосредственно связанныхъ съ населеніемъ. Темная крестьянская масса, въ огромномъ большинствѣ случаевъ говорящая только на своемъ родномъ языкѣ, ставится въ полнѣйшую и безконтрольную зависимость отъ произвола сельскихъ писарей и другихъ агентовъ низшей администраціи. Необходимость знанія общегосударственнаго языка создаетъ также значительныя препятствія для проведенія въ жизнь мѣстнаго самоуправленія, мирового и присяжнаго суда, вообще всѣхъ формъ участія общества въ отправленіи государственныхъ функцій и дѣлаетъ совершенно невозможной демократизацію этихъ учреждений. Именно, по соображеніямъ обрусительной политики, Царство Польское было лишено свободнаго, независимаго суда и земства. Всякій, кто стоитъ на почвѣ демократическихъ возрѣній, всякій, кто признаетъ, что не населеніе должно существовать для учреждений, а учреждения для нуждъ населенія, пойметъ, что это совершенно немыслимо, если они говорятъ чуждымъ, непонятнымъ ему языкомъ. Итакъ нужно признать, что даже, оставляя въ сторонѣ принципы, чисто практическія соображенія вызываютъ необходимость націонализаціи административныхъ учреждений; безъ введенія въ ихъ практику мѣстныхъ языковъ, они,

можетъ быть будутъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, проводниками русскаго вліянія, но положительный результатъ ихъ дѣятельности будетъ равенъ нулю. Теперь, мы бѣгло охарактеризуемъ тѣ общія начала, на которыхъ построены законы объ употребленіи языковъ въ различныхъ государствахъ Зап. Европы. Прежде всего, надо различать языкъ *внутренняго дѣлопроизводства* и языкъ *сношеній съ населеніемъ*. Въ своемъ внутреннемъ обиходѣ, въ сношеніяхъ съ другими вѣдомствами, въ распорядительныхъ засѣданіяхъ суда, вообще поскольку дѣятельность административнаго или судебнаго органа не соприкасается съ населеніемъ, употребленіе мѣстнаго языка не можетъ быть для него обязательнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ, вопросъ этотъ долженъ рѣшаться общими и мѣстными законами въ зависимости отъ практическаго удобства. Напр. при сношеніяхъ съ центральными вѣдомствами долженъ употребляться государственныи языкъ, съ мѣстными мѣстный. Вся дальнѣйшая регламентація въ рамкахъ закона должна быть предоставлена уже самимъ учрежденіямъ и тѣмъ органамъ, которымъ они подчинены.

Во всѣхъ же сношеніяхъ администраціи съ населеніемъ, а также, что особенно важно, въ судопроизводствѣ, долженъ употребляться *понятный* для народа языкъ; причемъ, законъ долженъ установить какъ неизблемое правило, что вездѣ, гдѣ одна *національность сплошь населяетъ какой нибудь районъ*,—*все государственныя учрежденія, расположенныя въ этомъ районѣ, должны употреблять въ своей дѣятельности ея нарѣчіе*. Это правило должно распространяться не только на чисто мѣстную администрацію и самоуправленіе, но и на мѣстные органы центральныхъ учреждений; напр., какая нибудь казенная палата или воинское присутствіе въ Царствѣ Польскомъ должны, поскольку это вызывается необходимостью, употреблять въ своей дѣятельности польскій языкъ. Рѣшеніе вопроса объ языкахъ очень затрудняется, когда районъ

населенъ различными народностями, особенно если они паходятся во враждебныхъ отношеніяхъ.

Но признаніе въ подобныхъ случаяхъ обязательности государственнаго языка еще болѣе осложняетъ и обостряетъ отношенія, чѣмъ установленіе монополіи одного изъ мѣстныхъ: на мѣсто понятнаго, для болѣе или менѣе значительной группы населенія нарѣчія, ставится языкъ непонятный для всѣхъ. Единственный выходъ изъ этого положенія, единственное правильное рѣшеніе вопроса — это признаніе равноправія всѣхъ языковъ. Это равноправіе выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что всѣ офіціальные объявленія и общеобязательныя постановленія издаются на нѣсколькихъ языкахъ одновременно; отвѣты на просьбы и жалобы сообщаются на томъ языкѣ, на которомъ они изложены; языкъ судопроизводства опредѣляется въ зависимости отъ языка сторонъ или отъ подсудимаго и присяжныхъ, а при разноязычности суда избирается тотъ или иной языкъ, смотря по конкретнымъ условіямъ дѣла.

Нѣкоторыя неудобства и накладные расходы, вытекающіе изъ необходимости имѣть въ такихъ областяхъ нѣсколько должностныхъ лицъ, владѣющихъ мѣстными нарѣчіями, съ избыткомъ окупятся бы той реальной пользой, которую принесло бы подобное преобразование. Реформа высшаго образованія на національныхъ основахъ дала бы, съ своей стороны, возможность подготовить кадръ дѣятелей, которые могли бы создать прочныя, живые корни этому постановленію закона.

Во всѣхъ національныхъ столкновеніяхъ страсти особенно разгораются, борьба дѣлается особенно напряженной, когда дѣло касается школьныхъ вопросовъ. Школа—это горнище въ которомъ, гибкая какъ воскъ, неокрѣпшая индивидуальность ребенка, подъ вліяніемъ воспитанія, можетъ вылиться въ какія угодно формы; только благодаря школѣ, національная культура получаетъ новую жизнь, сохраняется, и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Немудрено, что требованіе свободной школы всегда являлось тѣмъ стягомъ, вокругъ котораго объединялась національная оппозиція всѣхъ отщыпковъ и направленій, и той твердыней, на которую были направлены самыя ожесточенныя нападенія ея противниковъ. Захватить школу такъ соблазнительно; вѣдь это значитъ выбить послѣднюю доску изъ подъ ногъ противника, пробраться къ первоисточнику всякой личности и получить возможность самымъ вѣрнымъ и рѣшительнымъ образомъ вліять на разрушеніе національной самобытности. Но жизнь далеко не всегда оправдываетъ эти смѣлыя мечтанія. Только при очень значительномъ культурномъ превосходствѣ поработителей получаютъ болѣе или менѣе ощутительные результаты; во всѣхъ другихъ случаяхъ націонализаторская политика встрѣчаетъ на своемъ пути непреодолимые препятствія—и всякій призрачный успѣхъ въ этомъ направленіи покупается цѣною совершенно несоразмѣрныхъ эффекту жертвъ. Если можно еще вѣрить, что надлежащее воспитаніе способно привить киргизамъ русскіе нравы и обычаи, то думать, что можно повліять на направленіе мысли поляка или латыша и заставить его измѣнить своимъ преданіямъ и родному языку, принуждая его обучаться всѣмъ предметамъ по русски—значитъ вдаваться въ утопизмъ. Интеллигентная часть общества будетъ, чисто внѣшнимъ образомъ, усваивать языкъ господствующей націи, чтобы забыть его, когда минетъ необходимость, а вся многомиліонная часть простонародья, безъ того не особенно тяготящаяся къ просвѣщенію, окончательно отшатнется отъ школы, говорящей на непонятномъ для нея языкѣ. Особенно яркимъ подтвержденіемъ этого вывода можетъ служить вся исторія національных отношеній въ Россіи. Мудрыя слова одного изъ указовъ Императора Александра II, что «учебныя начальства должны имѣть въ виду одно безкорыстное служеніе просвѣщенію, не позволяя ни себѣ, ни кому нибудь другому обращать рассадники науки въ орудія для достиженія полити-